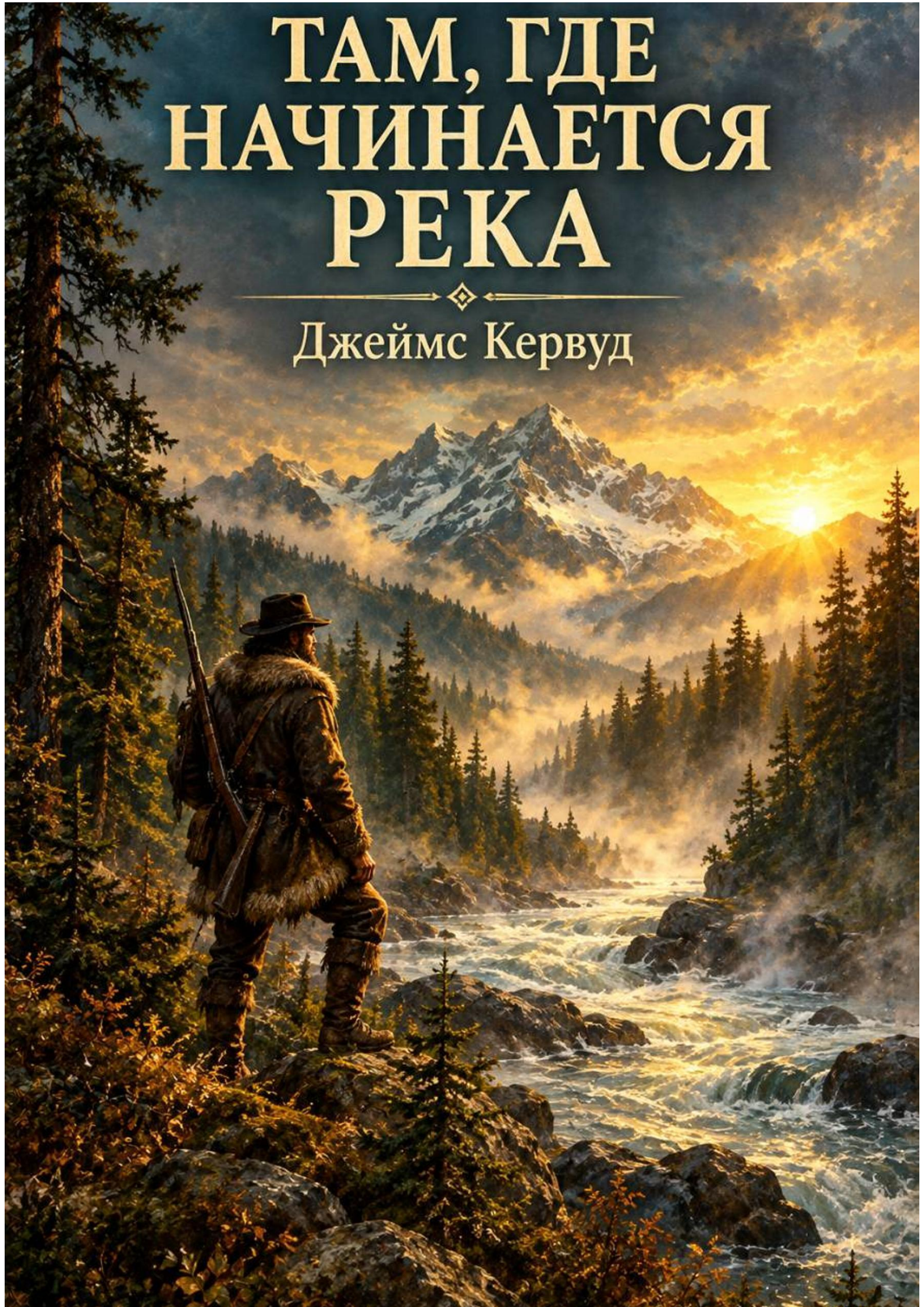

ТАМ, ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ РЕКА

Джеймс Кервуд

Джеймс Кервуд

Там, где начинается река

«Автор»

2026

Кервуд Д.

Там, где начинается река / Д. Кервуд — «Автор», 2026

Захватывающее приключение Джеймса Оливера Кервуда среди дикой северной природы. Путешествие к истокам реки становится для героев настоящим испытанием, где им приходится столкнуться с суровой стихией, опасностями леса и собственными страхами. Таинственные места, первозданная природа, неожиданные испытания и крепкая дружба — всё это создаёт атмосферу классического северного приключенческого романа.

© Кервуд Д., 2026

© Автор, 2026

Джеймс Кервуд

Там, где начинается река

1

ГЛАВА I

Между Коннистоном, входящим в состав королевской северо-западной горной полиции, и аутло [*Человек, объявленный вне закона*] Кейтом наблюдалось поразительное физическое сходство, что, конечно, в свое время было замечено и учтено обоими. Это сразу внушило им обоюдное доверие. Они почувствовали влечение друг к другу чуть ли не с первой минуты их встречи, влечение чисто эмоционального свойства, которое не поддавалось точному определению и все время подсказывало Коннистону, что он нарушает присягу и поступает самым изменническим образом.

Он представлял, олицетворял собой закон! В глазах всех людей он был до сих пор законом! В продолжение двадцати семи месяцев он без усталости охотился на Кейта, и ни разу за это время из его головы не выходили слова, которые были сказаны ему пред отъездом: «Вы не должны возвращаться сюда до тех пор, пока не приведете к нам этого человека живым или мертвым! В противном случае...»

Мучительный кашель, который потряс все его тело, оторвал его на миг от этих мыслей. Он сидел на конце скамьи, и, как только послышался его крик боли, а на губах показалась тонкая струйка крови, Кейт поднялся с места, подошел совсем близко к нему и сильной Рукой поддержал его вздрагивающее тело.

Кейт не произнес ни слова, и спустя минуту Коннистон вытер кровь с губ и мягко улыбнулся еще до того, как последняя тень боли исчезла из его глаз. Одна рука его еще оставалась на кисти, которая хранила следы наручников, и при виде этого следа он вернулся к печальной действительности. «В конце концов, — подумал он, — судьба трагически посмеялась над нами обоими».

— Благодарю вас, — сказал он, — благодарю, дружище!

И его слабые пальцы пожали кисть со следами наручников.

Над их головами ревел и гудел арктический шторм. Бешеный, точно с цепи сорвавшийся буран рвал все, попадавшееся на его пути, и, казалось, упорно стремился к тому, чтобы с лица земли маленькую хижинку, которая отважилась приютиться чуть ли не на самом краю мира, на расстоянии восьмисот миль от цивилизации. Слышались страшные крики, мучительные и вместе яростные стоны, душу раздирающие визги, и, когда выюга на миг призадумалась и сменилась болезненной, напряженной и странной тишиной, оба человека почувствовали, как плавно и гулко дрожала под их ногами насквозь промерзшая земля, подставившая свою грудь под удары ледяных громад, стремившихся к Гудзонову заливу.

Тишина была тотчас же нарушена. Откуда-то пришел глухой и густой грохот, словно отзвук титанического далекого боя. На фоне этого грохота время от времени слышались звонкие трески, вызванные распадением отдельных льдин на мельчайшие части, и трески эти были как раскаты шестидесятидюймового орудия. Бесчисленные миллионы тонн льда неслись в Гудзонов залив со стремительностью гуннских орд.

— Вам бы лучше прилечь! — предложил Кейт.

Но Коннистон в ответ медленно поднялся с места и направился к столу, на котором горела масляная лампа, питавшаяся тюленьим жиром. По дороге к столу он явно качался, едва дошел до места, и тотчас же напротив него поместился Кейт. Между ними лежала колода потрепанных карт. Коннистон пощупал карты, вдруг поднял глаза на Кейта, пристально посмотрел на него и усмехнулся.

— Ну и странная же штука, дьявольски странная! — воскликнул он. — Что скажете, Кейт, по этому поводу?

Он — англичанин, и в его голубых глазах загорелся угрюмый, холодный юмор.

— И забавная к тому же штука, страшно забавная! — прибавил он.

— Странная, но вовсе не забавная! — отчасти согласился Кейт.

— Ну а я говорю, что забавная! — продолжал настаивать англичанин. — Ровно двадцать семь месяцев назад, без трех дней, я был послан со специальной целью: во что бы то ни стало отыскать вас, Кейт. Мне было приказано привести вас живым или мертвым, и по истечении двадцати шести месяцев я действительно поймал вас. И должен вам признаться, что никто до сих пор не причинял мне таких неприятностей и затруднений, как вы. Пока я добрался до вас, я узнал все адовы муки: я и с голоду умирал, и замерзал, и тонул. Словом, всякое бывало! Вы подумайте только: я в продолжение восемнадцати месяцев не видел ни одной белой женщины! Это ужасно. Я из-за вас черт знает что пережил! Но в конце концов я поймал вас! В этом последнем факте заключается положительная сторона моего предприятия: я поймал вас, и следы наручников на ваших кистях подтверждают успешное заключение моего дела. Я выиграл! Вы не можете не согласиться с этим! Вы должны быть честным человеком по отношению ко мне, должны правильно играть со мной, потому что вы прекрасно знаете: это моя последняя игра на белом свете!

На этих словах его голос пресекся, и в нем послышалась жалобная до слез нотка.

Кейт утвердительно кивнул головой.

— Да, вы выиграли! — согласился он. — Вы выиграли настолько верно, что, если бы подлый мороз не куснул вашего легкого...

— Об этом не будем долго говорить! — прервал его Коннистон. — Вот именно тут начинается забавная сторона дела. Я уже готов был связать вас по ногам и рукам и отдать в полное распоряжение палача, как вдруг — бац! — мороз, как вы выражаетесь, куснул мое легкое, и все карты нашей игры перемешались. И вот, вместо того, чтобы поступить со мной точно так же, как я лично поступил с вами, вместо того, чтобы убить меня или же просто бросить на произвол судьбы и, воспользовавшись моей беспомощностью, убраться подальше от сих зланных мест, вы, Кейт, поступили как настоящий человек, как верный товарищ и приложили все силы и приняли все меры к тому, чтобы поддержать мою угасающую жизнь. Так разве же это не забавно? Найдите мне что-нибудь более забавное! Попробуйте! Мне просто интересно взглянуть на эту более забавную вещь!

Он протянул через стол руку и крепко пожал руку Кейта. И тотчас же на несколько мгновений опустил голову, потому что все его тело снова потряс приступ мучительного кашля. Кейт догадался о страданиях Коннистона по его судорожному пожатию руки. Когда тот снова поднял голову, губы его были окрашены алой кровью.

— Надо вам знать, — сказал он, вытерев кровь платком, который немедленно покраснел, — надо вам знать, что я точно высчитал день, когда мы навеки распрощаемся с вами! Это произойдет в четверг! Мне не дожить уже до ближайшего воскресенья. Может быть, дотяну еще до пятницы. Мало шансов на субботу. Мне неоднократно приходилось видеть людей, пострадавших точно таким же образом, как и я, то есть людей с отмороженными легкими. Вы поняли: мне это не впервые! В моем распоряжении остается два дня, максимум три. После этого вам придется вырыть для меня уютную ямочку и должным образом похоронить мои останки. А похоронив меня, вы освобождаетесь от слова, которое дали мне, когда я снял с вас наручники.

Он помолчал, а затем сказал:

— Теперь же позвольте задать вам один вопрос: что вы намерены делать после моей смерти?

На лице Кейта показались глубокие борозды, вызванные душевными муками. Еще только вчера они говорили о своих годах. Ему минуло тридцать восемь лет, и он был немногим моложе человека, который так настойчиво гнался за ним и который умирал в тот самый момент, когда блестяще достиг своей цели. Никогда до сих пор им не приходилось так ясно и определенно касаться этого горестного факта. И вот почему так смутился сейчас Кейт, которому в иные минуты было гораздо легче убить человека, чем сказать тому же человеку, что он доживает свой последний час на земле.

Он чувствовал себя несколько легче оттого, что сам Коннистон со свойственным ему холодным юмором точно определил свое тяжелое положение. Своим диагнозом он снял гору с плеч Кейта.

Они снова поглядели через стол друг на друга. В мрачном свете масляной лампочки они, как родные братья, обменялись теплыми взглядами.

— Итак, что вы намерены делать после моей смерти? — повторил Коннистон свой вопрос.

Под упорным взглядом умирающего англичанина Кейт, казалось, сразу постарел.

— Я думаю... — медленно и нерешительно начал он, — я думаю, что мне придется вернуться назад.

— Вы хотите сказать, что вам придется вернуться в Коронейшн Гэльф? Вы, значит, опять пристанете к эскимосам? Если вы это сделаете, то вам место в сумасшедшем доме!

— Я сам прекрасно понимаю это, — возразил Кейт, — но, к сожалению, никакого другого выхода у меня не остается! И вы прекрасно знаете, что это так! Вы лучше кого бы то ни было знаете, как повсюду охотятся на меня! Если я двинусь на юг...

Теперь наступила очередь Коннистона задумчиво опустить голову.

— Да, конечно, вы правы! — согласился он. — Они здорово охотятся на вас! А вы в свою очередь не так-то легко пожелаете отдаться им в руки! Но в конце концов они все-таки поймут вас, я нисколько не сомневаюсь в этом! И скажу вам всю правду: меня это очень огорчает!

Их руки разжались.

Коннистон набил трубку и зажег ее, причем Кейт обратил внимание на то, что его рука, державшая спичку, почти не дрожала. Сила воли этого человека была поразительна.

— Меня это огорчает! — повторил Коннистон. — Вы мне очень нравитесь! Сказать вам правду, Кейт, мне очень хотелось бы, с одной стороны, чтобы мы были с вами братьями и чтобы, с другой — вы никогда не убивали человека. В тот самый вечер, как я надел на вас наручники, я отвратительно чувствовал себя. И вовсе не потому, что я в тот день отморозил себе легкое! Нет, я понял тогда и понимаю теперь, что не имею морального права отправить на виселицу человека, того самого человека, за которым я, как собака, бегал чуть ли не целых три года. По отношению к вам я должен поступить совершенно иначе. Я чувствую и понимаю это. Но вот что... и я очень прошу вас не смотреть на меня как на следователя! Уверяю вас, дорогой друг, что во все эти «факты», которые хранятся в нашей штаб-квартире, я не верю ни вот на столечко! Мало того, я готов заложить любую сумму в свидетельство того, что вы вовсе не такой человек, каким все считают вас! Но я прошу вас совершенно искренне рассказать мне это!

Кулаки Кейта тяжело упали на середину стола.

Коннистон заметил, как в его голубых глазах на миг загорелся мрачный огонь. Странная, подавляющая тишина воцарилась в хижине и вокруг нее, и в тишине этой поднялся душераздирающий и томительный плач маленьких белых лисиц, которые покрыли своими голосами глухой рев и треск далеких льдин...

2

ГЛАВА II

— Почему я убил судью Киркстона?

Кейт очень медленно повторил эти слова. Его стиснутые кулаки разжались, но в глазах все еще горел мрачный огонь.

— А что говорят по этому поводу «факты» вашей штаб-квартиры?

— Они говорят, что вы совершили убийство вполне сознательно и хладнокровно и что честь нашего полицейского отряда находится в полной зависимости от того, как скоро вас повесят!

— Конечно, все это зависит от той точки зрения, на которую каждый из нас станет. Не правда ли? Ну а что будет, если я заявлю, что я вовсе не убивал судью Киркстона?

Коннистон с видимым возбуждением подался вперед. Пароксизм кашля судорогой пробежал по его телу, и, когда он опять получил возможность дышать, казалось, что воздух из его легких пробивается сквозь частую сетку.

— Нет, дорогой мой, — прохрипел он, — это случится не в воскресенье и не в субботу, а завтра! Это — факт, в котором у меня нет уже никаких сомнений.

— Нет, нет, вы ошибаетесь! — закричал Кейт, желая подавить что-то мучительное, что остановилось в его горле. — Вы ошибаетесь! Сколько раз я говорил вам, что вам лучше бы лечь в постель!

Коннистон собрал последние силы.

— О, только не это! — вскричал он. — Вы хотите, чтобы я умер, как подстреленный кролик. Этого не будет! Благодарю вас покорно, дружище, но на это я не согласен.

Он помолчал и прибавил:

— Но вернемся к нашему делу! Послушайте, Кейт, я не могу себе представить, чтобы вы лгали умирающему человеку! Так вот скажите мне вполне откровенно и искренне: вы убили судью Киркстона?

— Я сам не знаю... — медленно ответил Кейт, напряженно глядя на товарища. — Мне кажется, что я убил его, и вместе с тем я не вполне уверен в этом. Знаю одно: в тот вечер я явился в его дом с определенным намерением: либо добиться от него справедливости, либо убить его на месте! Я очень хотел бы, Коннистон, чтобы вы глядели на все это дело моими собственными глазами! Вы могли бы это сделать, если бы знали моего отца. Надо вам знать, что моя мать умерла, когда я был совсем крохотным мальчиком, и с тех пор мы жили с отцом как два товарища-сверстника. Не думаю, чтобы в то время я смотрел на него только как на отца. Отцы. — народ банальный и всегда и повсюду одинаковый! Для меня лично мой отец был больше, чем отец. Начиная с десятилетнего возраста мы почти не расставались с ним. Кажется, мне было лет двадцать, когда он впервые посвятил меня в ту смертельную вражду, которая издавна существовала между ним и судьей Киркстоном. Впервые я понял силу этой вражды, когда Киркстон все-таки добился своего, добился того, к чему стремился чуть ли не всю свою жизнь! Это была подлая, ядовитая змея, которая знала, когда всего удобнее и безопаснее укусить. Он так ловко все подстроил, что мой отец чуть ли не до самого конца не знал, кто это так возмутительно подвел его, и первое время думал, что во всем виноваты его политические враги, а не Киркстон, действительный главарь всего! Мы, однако, довольно скоро узнали всю правду. Мой отец получил десять лет тюремного заключения, а между тем все знали, что он совершенно невиновен! И единственный человек, который мог бы с фактами в руках подтвердить его невинность и непричастность к делу, был Киркстон, подобно Шейлоку, терпеливо поджидавший своего фунта мяса. Теперь, Коннистон, скажите мне следующее: если бы вы знали всю подкладку дела и находились бы в моей шкуре, что бы вы сделали? Только всю правду скажите мне!

Коннистон зажег над лампой другую спичку, несколько помедлил и, наконец, произнес следующее:

— Правду сказать, друг мой, я не знаю, что сказать вам! Ну, а что вы сделали?

— Я начал с того, что упал на колени перед этим мерзавцем! — воскликнул Кейт. — Я не знаю, молил ли когда-нибудь и кто-нибудь так, как я молил за моего отца! Я умолял Киркстона произнести те несколько слов, которые могли бы вернуть свободу моему бедному, невинно страдающему отцу. Я предлагал ему все, что только было в моих возможностях, даже мою жизнь и душу. А он сидел, толстый, жирный, спокойный, с двумя огромными кольцами на вздутых, грубых пальцах, и казался мне похожим на противную жабу в человеческом образе. Он усмеялся, радовался и издевался, глядя на меня как на паяца, который ломает комедию только для того, чтобы позабавить его, а ведь моя душа сочилась кровью, когда я жалобно смотрел в его глаза!

Он помолчал.

— А тут еще вошел его сын, такой же жирный, гладкий, противный, весь маслянистый, как и отец, и оба начали смеяться надо мной. До этого момента я не имел понятия о том, что такая ненависть может существовать на свете и что такая жажда мести может принести столько радости! О, это было чисто дьявольское наслаждение! Мне казалось, что всю ночь меня будет преследовать их подлый, сатанинский смех. Он неотступно гнался за мной, когда я вышел из комнаты судьи Киркстона. Он срывался на меня со всех деревьев, мимо которых я проходил. Я слышал его в ветре. Весь мой мозг, все мое существо были полны им. И я вдруг, даже как-то бессознательно для самого себя, повернул назад и снова очутился лицом к лицу с этими двумя негодяями. Да, Коннистон, я ясно понимал, что вернулся я туда с той же целью, что и раньше: либо добиться справедливости, либо убить! Но не подумайте, ради Бога, что это было предумышленное убийство: ведь я пришел туда с голыми руками! Но я вдруг увидел большой ключ в замке и схватил его. И, вооружившись им, я снова заявил им о своем требовании, причем решил не тратить лишних слов, а прямо приступить к делу.

Он встал с места и начал расхаживать взад и вперед по комнате. Ветер замер, и снова стали доноситься завывания и рыдания белых лисиц и басовый грохот далеких льдов.

Кейт продолжал свой рассказ:

— Собственно говоря, драку начал сын судьи Киркстона. Он первый наскочил на меня. Я отбросил его назад, и тогда зверь ринулся на меня с каким-то оружием в руках. Я не мог определить, что он схватил, но понял, что у него в руках тяжелая вещь, потому что с первого же удара он расшиб мне плечо. Во время схватки я вырвал из его рук оружие и увидел, что это была длинная, четырехугольная медная линейка, которая употреблялась в качестве пресса для бумаги. В тот же момент я заметил еще, что мой враг схватил со стола вторую, такую же линейку и нечаянно сбросил лампу на пол.

Он с трудом перевел дыхание.

— Мы продолжали бороться во тьме. Все время мне чудилось, что со мной дерутся не люди, а подлые, противные, ползучие змеи, которые окружили меня со всех сторон. Это было ужасно противное ощущение, но я ни на миг не прекращал боя и с каждой минутой наносил все более и более сильные удары. В таком же духе продолжал и сын судьи, но вдруг я услышал, что под одним моим ударом судья Киркстон с криком свалился на землю. А затем вы сами знаете, что случилось после этого! На следующее утро в комнате была обнаружена только одна медная линейка. Сын унес с собой вторую. А найденная линейка была покрыта кровью и волосами судьи Киркстона. Я прекрасно понимал создавшееся положение, учел то обстоятельство, что мне не на что и не на кого надеяться, и бежал. Мой бедный отец умер через несколько месяцев в тюрьме, а что касается меня, то за мной охотились целых три года точно так же, как собаки охотятся на лисиц. Вот и все, Коннистон! А теперь вам самому остается сказать: убил я судью Киркстона или нет? Если даже и убил его, то должен ли я жалеть об этом, хотя бы мне и угрожала виселица? Скажите мне всю правду!

— Сядьте!

Голос англичанина звучал повелительно.

Кейт, с трудом переводя дыхание, опустился на стул и в ту же минуту заметил какой-то странный огонь в синих, как сталь, глазах Коннистона.

— Дело вот в чем, Кейт! — начал англичанин. — Человек, которому еще много лет остается жить на свете, связан множеством вещей. Но совсем иначе обстоит дело с человеком, который прекрасно знает, что его дни сочтены. Если бы вы то же самое рассказали мне месяц назад, то я, нисколько не сомневаясь, связал бы вас и передал бы в распоряжение нашего палача. В этом заключалась бы моя прямая обязанность, и я мог бы настаивать на том, что вы даете ложные показания. Но теперь мне вы не можете лгать! И вот почему я говорю вам прямо: да, Киркстон должен был умереть! Все во мне говорит: да, вы поступили правильно!

Он помолчал и продолжал:

— И все же вам не следует возвращаться в Коронейшн Гэльф. Вы должны спуститься к югу и снова вернуться в страну, где живут люди, признающие суд совести. Но... тут я должен поставить одно условие: вы вернетесь туда не как Джон Кейт, убийца, а как Дервент Коннистон, входящий в состав королевской северо-западной горной полиции. Вы поняли меня, Кейт? Я спрашиваю вас: вы поняли меня или же нет?

Кейт буквально остоленел.

Англичанин с бравым видом покрутил свой ус, и полуюмористический огонек загорелся в его глазах. Он давно уже задумал свой план и заранее представлял себе, как его слова подействуют на свидетеля его последних дней.

— А ведь недурной план, дружище, а? — воскликнул он. — Что скажете? Еще раз повторяю вам: вы мне нравитесь! Кроме того, я не вижу в моем предложении никакого морального проступка. Ни один человек на свете теперь не думает обо мне и не заботится и не волнуется из-за того, живу я на белом свете или же умер. Я в нашей семье последний, и поэтому все плевать хотели на меня. Когда мне пришлось выбирать между Африкой и Канадой, я выбрал Канаду. Гордость самая глупая штука на свете, и вот теперь, доживая свои последние дни, я очень часто думаю об этом. Родные мои мысленно похоронили меня. Они не слышали обо мне уже целых шесть-семь лет и просто-напросто забыли о моем существовании. Но самая главная штука во всей этой истории — то, что мы дьявольски похожи друг на друга! Вам надо будет только немного подстричь ваши усы и бороду и несколько удлинить шрам над правым глазом, и тогда вы можете преспокойнейшим образом явиться к старику Мак-Довелю, и я готов заложить последнее, что у меня имеется, что при виде вас он вскочит с места и крикнет на весь дом: «Черт меня побери совсем, если это не Коннистон собственной мордой!» Вот все, милый Кейт, что я могу оставить вам в наследство: мое старое тряпье и имя! Воспользуйтесь этим добром, потому что через пару дней оно мне будет не нужно!

— Но это невозможно! — возбужденно закричал Кейт. — Думаете ли вы, Коннистон, о том, что вы предлагаете мне?

— Конечно, дорогой мой, думаю! Я считаю каждое слово, выходящее из моего рта, потому что оно болезненно отзывается в моей груди. Неужели же вы не хотите воспользоваться моим предложением? Я лично нахожу, что это будет самая остроумная вещь, которую я когда-либо сделал! Я умираю, и обо мне не стоит больше говорить. Вы похороните меня здесь, под этим полом, и, следовательно, лисицы никоим образом не доберутся до моих жалких останков. Но мое имя должно продолжать свое существование. Оно будет жить в вас, в человеке, который наденет мое платье и вернется в цивилизованный мир и расскажет старичине Мак-Довелю, как он все-таки добился своего, нагнал преступника, но... Но преступник в последнюю минуту отморозил себе легкое и преблагополучно отправился на тот свет. А в доказательство правдивости ваших слов вы покажете ему ваши собственные вещи, которые уложите в чемодан с некоторыми другими вещественными доказательствами. За это вы получите повышение по службе, потому что Мак-Довель обещал дать мне сержанта, если я поймаю вас. Поняли теперь, как обстоит дело? Имейте в виду, что Мак-Довель не видел меня уже в продолжение двух лет

и трех месяцев, так что я, так сказать, имею право на некоторое внешнее преобразование. Ведь мы с вами находимся сейчас чуть ли не на самом конце света! Повторяю, самая замечательная штука заключается в нашем необыкновенном внешнем сходстве! Говорю вам: это — блестящая идея!

Коннистон настолько увлекся задуманной игрой, что совершенно забыл о своем приближающемся конце. А Кейт, сердце которого колотилось, как нервно сжимающийся и разжимающийся кулак, словно в свете молнии видел картину, нарисованную Коннистоном, и на минуту подумал, что все это гораздо возможнее, чем ему показалось в первый момент. Побольше только отваги.

Ведь там никто не признает в нем Джона Кейта былых дней, того Джона Кейта, которым он был четыре года назад! Тогда он был гладко выбритым, аккуратным молодым человеком, с несколько неуверенной походкой, низко опущенными плечами и довольно слабым телом. А теперь условия жизни превратили его в животное! За четыре года борьбы с могучими стихиями он настолько окреп, что уже мог померяться силами с кем угодно.

Он посмотрел на Коннистона, сидевшего против него, и снова подумал, что каждый посторонний человек легко примет их за двух близнецов. Ему показалось, что он прочел ту же мысль в глазах друга.

Молниеносная усмешка скользнула по лицу Коннистона.

— Волосы на лице могут еще больше помочь нам! — сказал он. — Ведь вы знаете, что борода может скрыть множество знаков и различий! Я отпустил себе бороду за два года до того, как пустился в погоню за вами, очень тщательно следил за ней и думаю теперь, что вам лучше бы временно не пользоваться бритвой. Но мало того! Вам придется заняться еще одной вещью. В продолжение ближайших двадцати четырех часов вам надо будет самым тщательным образом усвоить себе всю историю жизни Дервента Коннистона с тех пор, как он вступил в отряд северо-западной горной полиции. Дальше этого периода мы не пойдем, потому что история моей жизни до того не представляет для вас ни малейшего интереса. Главная опасность для вас заключается во встречах с Мак-Довелем, начальником «Ф» — дивизиона имени принца Альберта. Это — лиса в образе человека, типичный образчик старой школы, с вот такими усами и так далее. Он в состоянии видеть сквозь стенку, и провести его почти невозможно. Но, в сущности говоря, у него добрейшее сердце. Мы были с ним большими друзьями, так что, выслушивая историю жизни Коннистона, вы тем самым познакомитесь и с жизнью Мак-Довеля. Да, рассказать придется немало... О, Бог мой!..

Он трепетно поднес руку к груди. Смертельный ужас воцарился в хижине в то время, как англичанин весь трясся от мучительного кашля. И вдруг снова примчался ветер и захватил в свою ненасытную пасть и плач лисиц, и грохот льдов...

Жестокая борьба происходила в эту ночь в желтоватых отсветах масляной лампочки. Двое угрюмых людей напряженно размышляли над придуманным «забавным» проектом. Один из них почувствовал, как смерть медленно, но верно надвигается на него, и прилагал все старания к тому, чтобы отодвинуть критический момент. А другой мысленно молил время остановиться. И этот другой был Кейт, который до сих пор за всю свою жизнь любил только одного человека — отца. Во время этой борьбы он почувствовал любовь еще к одному человеку — к Коннистону. И однажды его внутренняя борьба дошла до того, что, не в силах сдержать свое волнение, он закричал, что это несправедливо и что Коннистон должен жить, а он — умереть! Но умирающий Коннистон только улыбнулся в ответ и протянул руку Кейту, который почувствовал, что рука эта совсем влажная...

Прошло несколько томительных часов, во время которых Кейт напряженно следил за тем, как отважно борется Коннистон за свои последние минуты. Моментами Кейт чувствовал себя как бы частью этого человека, настолько он сам страдал за него.

Борьба была героическая. Коннистон, вполне понимая свое состояние, держал себя великопно. И, глядя на него, Кейт чувствовал, как постепенно оживает его собственная душа, как в нем растет и ширится голос, подсказывающий, что он должен жить и в будущем чем-нибудь отметить высокий подвиг Коннистона.

Конечно, из всех важных вещей, которые он должен был узнать, самой важной была история жизни Коннистона. Англичанин начал рассказ со знакомства с Мак-Довелем и между отдельными пароксизмами кашля, сопровождавшегося кровохарканьем, сообщил множество чрезвычайно характерных инцидентов. Он с бледной улыбкой на устах рассказал о том, как Мак-Довель чуть ли не со слезами на глазах заклинал его не рассказывать в полицейских казармах об одной любовной аванюре, в которой они вместе участвовали.

— О! — воскликнул он. — В некоторых случаях жизни Мак-Довель страшно забавный и впечатлительный субъект!

Покончив с этим рассказом, Коннистон вручил Кейту свой старый, потертый Устав службы и приказал ему самым основательным образом познакомиться со всеми параграфами и примечаниями.

Кейт помог ему добраться до своего ложа и после того в продолжение некоторого времени старался вникнуть в смысл устава, но у него рябило в глазах, и мозг абсолютно отказывался работать. Затрудненное дыхание агонизирующего англичанина причиняло ему лично чисто физическое страдание. Ему стало до того тяжело, что он встал из-за стола и вышел из хижины в серые, призрачные вечерние сумерки.

Снаружи он стал всей грудью вдыхать студеной воздух, пронзенный ледяными стрелками. Но не было холодно. Явно давала себя чувствовать перемена, kwaske-hoo. Все вокруг было полно трепетных шумов, которые так характерны для последней схватки зимы с упорно надвигающейся весной. Силы зимы раскололись и стали разбредаться в разные стороны. Под ногами Кейта в муках перерождения дрожала земля. Ему казалось, что он яснее и отчетливее прежнего слышит гром, грохот и треск льдин, стремившихся к Гудзонову заливу.

Над ним, в вышине, повисла странная, причудливая ночь. Она не была черна, но вся светилась какими-то колдовскими, химеричными серыми огнями, и из этого кладбищенского хаоса то и дело вырывались тревожные, кошмарные звуки и заунывные стоны.

Кейту вдруг почудилось, что если он еще несколько минут останется в таком душевном состоянии, то он тут же на месте сойдет с ума. Звезд не было видно, и почему-то казалось, что за ними и под ними застыли таинственные источники визжащих, скрипящих и режущих голосов, которые были до того страшны, что захватывало дыхание. О, это случилось с ним не впервые, ибо неоднократно до сих пор, а в особенности в последние месяцы, он слышал в этом могильном молчании рыдание маленьких детей, стоны убиваемых женщин и какие-то чудовищные голоса, кричавшие не то о победе, не то о нестерпимых муках... Больше, чем когда бы то ни было, он видел за последние месяцы эскимосов, которые родились в этих краях, привыкли ко всем сверхъестественным особенностям полярных стран и все же доходили до того, что в минуты безумия срывали с себя платье и совершенно голые бросались в безжалостную пучину тумана, стужи и отчаяния.

Коннистон никогда не узнает о том страшном душевном состоянии, в котором находился он, Кейт, в день его ареста! Кейт никогда ничего не расскажет ему об этой странице своей жизни! «Охотник за людьми» спас его в тот памятный день от верного безумия... Все мысли, все чувства и переживания, связанные с этим днем, Кейт хранил глубоко в себе.

И теперь еще он моментами содрогался, чувствуя всю давящую силу хаоса, повисшего над ним. Вдруг, во власти минутного безумия, он ринулся к хижине и издал крик, полный мучительной и невыразимой тоски. Но он тотчас же овладел собой, выпрямил плечи, усмехнулся, и хохот белых лисиц уже не казался ему таким страшным...

За всем тем, что сейчас окружало его, он увидел родной край, свой старый родной очаг! Благословенная страна! Зеленые леса и воды, затканые золотыми блестками солнца. Господи, как давно он лишен всего этого. Так давно, что даже забыл об их существовании! Точно так же он забыл и про существование белолицых женщин...

И с мыслью об этих женщинах он вдруг услышал язык своего народа и пение птиц и почувствовал под ногами бархатистое прикосновение земли, купающейся в ароматах душистых цветов.

Да, да, он забыл про все это! Еще только вчера эти образы казались ему бесплотными, разваливающимися скелетами, фантазмагорическими видениями, вызванными больным воображением, которое находилось на последней грани безумия, а теперь они реальны, живы, наделены плотью и кровью, и он, Кейт, идет к ним на юг...

Он протянул вперед руки, и из горла его вырвался непроизвольный крик, в котором гремел триумф, прозвенела экзальтация. Прошло целых три года такой жизни, но он осилил ее. Три года он жил как крот, перебегая из одной норы в другую, преследуемый, по выражению Коннистона, как лисица... Три года он издыхал с голоду, мерз, как собака, и был так мучительно одинок, что сердце его не выдержало и разбилось, а теперь он идет домой!

Он вернулся в хижину и прежде всего остального ему бросилось в глаза бледное лицо умирающего англичанина, который старался приветливо улыбнуться ему в желтых тенях масляной лампочки. Коннистон прижал руку к груди, и улыбка его была до того мучительна и страшна, что Кейт чуть не закричал от ужаса. Открытые карманные часы на столе показывали как раз тот полночный час, когда должен был начаться повторительный урок.

Через некоторое время Кейт вставил дуло своего револьвера в пламя лампы.

— Я понимаю, — с трудом произнес Коннистон, — что вам будет очень больно, когда вы приставите раскаленное дуло к глазу, но это необходимо. Ничего не поделаешь! Ну и сыграем же мы шутку со старичиной Мак-Довелем!

Ясно улыбаясь, он несколько раз подряд повторил:

— Ну и сыграем же мы с ним шутку!

И не отрывал взора от лица Кейта.

3

ГЛАВА III

Когда стал заниматься день, Кейт поднял свое удрученное лицо, все время склоненное над ложем Коннистона, и чисто женское всхлипывание сорвалось с его губ.

Англичанин умер именно в тот час, который он сам назначил. В страшных мучениях, задыхаясь, он кончил дни свои на земле. А с последним дыханием он произнес и последние слова, которые до того повторил раз десять подряд.

— Не забудьте, дорогой мой, что все дальнейшее зависит от той минуты, как Мак-Довель увидит вас!

И затем со странным хрипом в груди он скончался, и глаза Кейта были на миг ослеплены чудесной, горячей волной слез и горделивым сознанием, что он носит теперь имя Дервента Коннистона.

Теперь это было его собственное имя. Джон Кейт только что умер. Остался в живых Дервент Коннистон! Когда он смотрел на застывшее, спокойное лицо героя-англичанина, это не казалось ему уж столь странным и невозможным, как раньше. В конце концов, вовсе не так трудно будет носить имя Дервента Коннистона. Всего труднее жить так, как жил Коннистон!

В эту ночь грохот льдин слышался яснее, потому что ветер не подавлял шума их дыхания. Небо было совершенно безоблачно, и звезды походили на дивно мерцающие, желтые глаза, пронизывающие падающую на землю черную завесу.

Кейт, вышедший наружу для того, чтобы подышать вольным воздухом, глядел на чарующие красоты полярной ночи, и время от времени дрожь пробегала по его телу. Звезды были

как живые существа и не отрывали от него разумных взоров. Под их таинственным мерцанием лисицы начали свой мрачный карнавал. Кейту вдруг показалось, что они ближе и теснее обычного подошли к его хижине и что в их голосах слышались более тревожные, настойчивые и страшные ноты.

Коннистон предвидел наступление маленьких белых зверьков и заранее дал свои распоряжения. Кейт, вернувшись теперь в хижину, немедленно приступил к выполнению обещания, данного покойному. С наступлением утра он закончил свое дело.

А спустя полчаса он стоял уже на краю редкого леска, окружавшего полянку, и в последний раз глядел на маленькую хижину, под полом которой был похоронен англичанин. Кругом царило давящее, мучительное одиночество, но хижина бесстрашно застыла на своем месте, похожая на горделивый памятник, воздвигнутый в честь человеческой доблести и величия человеческой души. Меж четырьмя стенами ее хранилось нечто, что дало ему, Кейту, дальнейший импульс к жизни, что снабдило его новыми силами, чтобы бороться с этой жизнью до тех пор, пока он сможет держаться на ногах.

Дух Коннистона превратился в нечто живое, подвижное, осязаемое, и белые лисицы могли теперь лаять и беситься, и ветер мог выть и злиться, и зима сменяться зимой, и долгие, бесконечные ночи следовать без конца за такими же долгими, бесконечными ночами, а хижина будет стоять на том же самом месте, всегда готовая к бою, всегда устойчивая, будет стоять как вечный памятник Дервенту Коннистону, англичанину.

В последний раз поглядев на хижину, Кейт обнажил голову, и в ранних утренних сумерках прозвучали его тихие слова:

— Мир вашему праху, Коннистон!

После этого он медленно повернулся и взял направление на юг.

Впереди него лежало восемьсот миль самой дикой на свете пустыни. Восемьсот миль отделяло его от крохотного городка на Саскачеване, где Мак-Довель командовал «Ф» — дивизионом горной полиции, но мысль о столь большом расстоянии нисколько не печалила его. Четыре года жизни на краю света приучили его к мысли о безграничности, и за этот период он привык к лишениям.

В последнюю зиму англичанин с упорством хорька, гонялся за ним на протяжении нескольких тысяч миль, и надо было считать чудом то обстоятельство, что Кейт не убил своего преследователя. Сколько раз у него имелась возможность прекратить эту возмутительную травлю так, что он даже не замарал бы собственных рук! Сколько раз его друзья-эскимосы могли бы покончить с Коннистоном по единому мановению его руки! Но что-то удерживало его от такого шага, и теперь, как бы в благодарность, мертвый Коннистон помогал ему пробиться домой.

В конце концов, восемьсот миль было такой мелочью, с которой не стоило серьезно считаться.

Правда, у него не было ни собак, ни саней. Его собственная запряжка давным-давно покончила все счета с жизнью, и вероломный Когмоллок украл собак англичанина во время последнего переезда из Фуллертона. За исключением ружья, палки и шапки, все, что унес с собой Кейт, принадлежало Коннистону. Он унес с собой даже часы покойного.

Его ноша была очень легка и, главным образом, заключала немного муки, палатку весом в три фунта, спальные принадлежности и некоторые вещественные доказательства смерти «аутло» Джона Кейта.

Час сменялся часом, и монотонное «зип-зип-зип» его лыж мертвяще действовало на его мозг. Временами случалось, что он ровно ни о чем не думал. Большей частью он пробирался между жалкими, чахлыми сосенками, которые непонятный каприз природы рассыпал вдоль всей равнины.

В полдень он заметил тёмную полоску на южном горизонте и тотчас же понял, что там залег лес, настоящий лес, первый лес, который он должен был увидеть с того дня, как восемнадцать месяцев назад он оставил чудесные леса на берегу Макензи.

Наконец-то он увидел впереди себя что-то осязаемое, за что мог бы ухватиться! Это была знакомая ему вещь, близкая, понятная, какая-то живая стена, за которой начинался другой мир! Восемьсот миль значили теперь меньше, чем небольшое пространство, отделявшее его сейчас от темной полосы на горизонте.

Он достиг леса, когда слабый свет полярного дня потонул в глубоких сумерках вечера, и разбил свой лагерь на старом буреломе. Отдохнув немного, он собрал дрова и зажег костер. Он теперь не считал уже поленьев, как делал это в продолжение последних лет. Нет, теперь он стал расточительным и жег дрова без всякого сожаления.

С утра он сделал около сорока миль, но не чувствовал ни малейшей усталости. Он продолжал собирать сучья до тех пор, пока не устал, и огонь поднялся так высоко, что он услышал, как затрещали сосновые шишки над его головой. Он вскипятил воду, заварил слабый чай и приготовил себе суп из мяса карибу. После этого он прислонился спиной к дереву и загляделся на огонь.

Трещавший и уносившийся ввысь огонь действовал на него как самое сильное снадобье и пробуждал в его памяти вещи, которые, казалось, давным-давно уснули или даже умерли. Он без остатка сжигал весь тот тяжелый, затхлый груз, который скопился за четыре года отчаянных мытарств и страданий, и оживлял все события вчерашнего дня, который моментами как будто бы отодвигался в вечность.

Снова и снова ему чудилось, что силой волшебства он сбросил с себя тяжелые цепи, которые пригибали его к земле и доводили до безумия. Каждый фибр его тела бился и дрожал и трепетал в унисон славному и победному треску огня. Словно что-то разорвалось в мозгу, в голове Кейта, освободилось от давящих пут, и в сердце костра он увидел дом, и надежду, и жизнь — вещи, все знакомые и очень дорогие еще так недавно, но выжженные северным морозом из его памяти.

Он увидел широкий Саскачеван, прокладывающий путь свой среди желтых равнин, отороченных причудливыми холмами, залитыми сиянием утренней зари.

Вот родной дом его, одним краем припавший к берегу, а другим повернувшийся к пурпурным далям. Он слышит ритмический, бархатный «шуг-шуг-шуг» старой золотой драги, слышит звон ее цепей и любит тем, как она поглощает тонны песка для того, чтобы выплюнуть несколько зерен драгоценного металла. Высоко в небе застыли кружевные облака, и он смотрит на них и слышит голоса, топот шагов, смех — жизнь... Жизнь!

Перерождается вся душа его. Он стремительно вскакивает на ноги и вытягивает вперед руки так далеко, что трещат мускулы.

О нет! Теперь он ни за что на свете не вернется назад! Они все там никоим образом не узнают его. Он мягко усмехнулся при воспоминании о том Джоне Кейте, каким он был когда-то и над которым смеялись все товарищи и Ридди Мак-Табб в первую голову.

Он мысленно оглянулся назад и к собственному изумлению отметил про себя, что у него нет ненависти к прошлому, что эта ненависть как будто бы перегорела. Он вдруг заинтересовался вопросом: стоит ли старый киркстоновский дом на прежнем месте, на краешке холма, и вернулась ли на родину Мириам Киркстон после той страшной ночи, как он отомстил ее отцу?

Четыре года...

В сущности, это не так уж много, несмотря на то, что ему они кажутся целой вечностью. Вряд ли за это время у него на родине произошло много перемен! Пожалуй, все осталось совсем без перемен и на старом месте, все, за исключением его собственного, родного дома. Он вспомнил, как они с отцом разрабатывали проект и все детали этого дома, хотели построить его в виде деревянного коттеджа, на значительном расстоянии от города, чуть ли не по

соседству со Саскачеваном и так, чтобы лес заглядывал во все окна и двери. Этот новый дом они не успели построить, а старый за отсутствием хозяев и присмотра, наверно, развалился.

Пошарив в кармане, он нащупал часы Коннистона. Он вынул их и при свете кострового огня посмотрел на циферблат. Было десять часов вечера...

На внутренней стороне задней крышки Коннистон когда-то вклеил портрет. Очевидно, он сделал это очень давно, потому что лицо выцвело так, что трудно было распознать его черты. Только глаза сохранили свое выражение, и, взглядевшись в них при отблесках костра, Кейт как будто уловил в них живой трепетный луч, который мигом пропал. Это было личико девочки, школьницы, которой можно было дать десять-двенадцать лет. Глаза выглядели старше, и в них застыла какая-то невысказанная жалоба, какая-то просьба, мигом зародившаяся в душе девочки и тотчас же замершая во взгляде.

Кейт закрыл часы. Их «тик-так, тик-так» продолжало громко звучать в его ушах. Он сунул их в карман, но бой их с прежней ясностью звучал и оттуда.

Вдруг с отчаянной силой, словно бомба, разорвалась смолистая шишка, и Кейту показалось, что от этого взрыва затрясся весь его мозг.

Кейт почувствовал себя во власти того страшного состояния, которое уже неоднократно овладевало им. Уже прошло несколько дней с тех пор, как он спал настоящим, здоровым сном. И все же он не был сейчас сонным и даже не чувствовал усталости. Только повинаясь инстинкту самосохранения, он развернул свою постель на ложе из сосновых сучьев, которые внес в палатку, и лег спать.

Но и теперь он не мог совладать с бессонницей, которая продолжала мучить его. Он закрыл глаза, но не был в силах долго держать их закрытыми. С дьявольской ясностью доносились до него все шумы и звуки ночи: треск огня, змеиное шипенье лопающихся шишек, шепот деревьев и упорное тиканье часов Коннистона. И вместе с тем сквозь гущу леса к нему рвались стоны и визг ветра, который жаловался на свое одиночество.

Кейт плотно сжал кулаки и напружил веки, пытаясь заставить себя ни о чем не думать, ни из-за чего не волноваться, но все его усилия были тщетны.

Он не хотел сдаваться и продолжал мучительные усилия над собой, пытаясь забыться.

Наконец он впал в забытие, которое было скорее похоже на летаргию.

Едва только занялось утро, он вышел из палатки и усилил огонь костра, в котором еще тлели поленья, прибавив к ним новых. Он еще не забыл перенесенных ночью мук, но внутреннее содержание их как-то улетучилось. Он рассмеялся, вспомнив про свое ночное безумие, и задался вопросом: что сказал бы Коннистон об его нервозности? Впервые за несколько лет он подумал о тех старых, давно минувших днях пребывания в колледже, где он всегда очень тщательно следил за своими психическими переживаниями. Он даже дошел тогда до того, что считал себя большим знатоком и экспертом в подобных делах и принимал самое горячее участие во всех дискуссиях, затрагивающих мозговые явления. За отсутствием практики его способность следить за собой значительно ослабела, но и теперь он не мог отделаться от иронической улыбки при воспоминании о том, что творилось минувшей ночью в его мозгу.

Собственно говоря, во всем этом не было ничего странного. Его мозг, утомленный четырьмя годами совершенно ненормальной жизни, теперь трепетно и напряженно искал равновесия. Не найдя еще этого равновесия, Кейт чувствовал себя, однако, гораздо лучше. Его мысли как будто прояснились. Он прислушивался к тиканью часов и ничего неестественного не находил в нем. Он сделал над собой еще одно усилие и, приступив к приготовлению завтрака, начал насвистывать.

Позавтракав, он укрепил свою поклажу на спине и двинулся к югу. По пути он заинтересовался вопросом: знал ли сам Коннистон устав так хорошо, как он теперь? В конце шестого дня он выучил всю книжку наизусть и помнил, где какая строка находится. Тем не менее он

продолжал работать над собой и часто останавливался перед деревьями и отдавал им честь. Теперь он уже не боялся Мак-Довеля, зная, что он не спасует перед будущим начальником.

«Я — Дервент Коннистон! — без конца твердил он себе. — Джон Кейт умер, умер навсегда и никогда не воскреснет! Я лично похоронил его в хижине, той самой хижине, которую в тысяча девятьсот восьмом году построил сержант Тросси и его патруль. Меня зовут Дервент Коннистон!»

За годы абсолютного одиночества он мало-помалу привык к тому, чтобы беседовать с собой, как с посторонним человеком. Нередко подобные беседы придавали ему мужество и как-то оздоравлиюще действовали на его психику.

«Ничего, братишка! — говаривал он себе. — Надо это дело обмозговать, и все сойдет как нельзя лучше! Только побольше твердости, и все образуется!»

Теперь он уже иначе беседовал с собой: «Послушай, Коннистон, надо иметь в виду следующее: борьба идет серьезная, не на живот, а на смерть! От тебя самого зависит, выиграешь ты или же проиграешь!»

Уже по истечении трех дней он думал и говорил о Джоне Кейте только как о мертвом, счета которого с жизнью покончены раз и навсегда. Покойного Кейта он похоронил и уже не принимал его в расчет.

«Да, сэр! — обращался он к Мак-Довелю, которого олицетворял чуть ли не в каждом дереве. — Джон Кейт скончался, и не будем больше говорить о нем. Должен только добавить, что это был самый порядочный и честный человек, какого я когда-либо встречал на белом свете! Мир его праху».

На шестой день его пути случилось чудо.

Впервые за несколько последних месяцев Джон Кейт узрел солнце. Еще за пару дней до того он видел, как слабые, трепетные лучи делали невероятные усилия для того, чтобы пробиться сквозь густую завесу тумана и испарений, но теперь солнце преодолело все преграды и на короткое время осветило своей лучезарной улыбкой северные равнины. А после того оно с каждым днем становилось ближе и теплее, пока наконец совсем не укрепилось в небе.

Кейт не торопился. У него было такое впечатление, что он только-только вышел из тюрьмы, и он хотел теперь полностью насладиться драгоценной свободой, испытать ее до дна. Но больше и сильнее всего в нем говорило сознание того, что он идет навстречу большой опасности, к которой надо было подготовиться.

Теперь, когда ясное солнце и голубое небо прочистили его мысли, он видел сотни скрытых ям на своем пути, тысячи извилин, в которых мог заблудиться, миллионы ловушек, которые ждали его на каждом шагу.

В сущности, он добровольно шел в лапы палача, с которым ему предстояло сталкиваться чуть ли не ежедневно, ежечасно; он сознавал теперь, что все время будет находиться под угрозой дамоклова меча и близость смерти будет отмечать все его шаги и поступки. Ему придется денно и нощно следить за собой, управлять своими инстинктами, контролировать свои мысли, свой язык, свои поступки, желания, стремления и, несмотря на все это, никогда не чувствовать уверенности ни в себе, ни в других. В любой день с него могут сорвать маску и открыть преступника.

Иногда полное осознание создающегося положения определенно страшило его, и тогда его мысль трепетно искала других путей спасения. Но неизменно вслед затем он слышал холодный, спокойный голос Коннистона, и тогда снова буйным потоком устремлялась кровь по его жилам, и снова он поворачивался лицом к родным местам.

Он был Дервент Коннистон!

Он понимал это, и не было такого часа, когда бы он не задавался мучительным вопросом: а кто такой был этот Дервент Коннистон? Как он жил? Откуда явился и что делал в своей жизни? Мало-помалу, по осколочкам, по отдельным воспоминаниям он старался сло-

жить целостный образ покойного, но все его старания неизменно заканчивались одним и тем же. Несомненно, англичанин был самым честным, отважным и благородным человеком из всех тех, кого он когда-либо знал, но, в сущности говоря, что он представлял собой? Может быть, отщепенца? Может быть, позорное пятно в роду своем?

В поисках ответа Кейт переживал такие моменты, которых никогда до тех пор не знал. Коннистон со свойственным ему упорством унес в могилу свою тайну. А ему, Джону Кейту, который теперь был уже Дервентом Коннистоном, он оставил в наследство глубокую тайну и тяжелую миссию, которая заключалась в том, чтобы раскрыть: кто он был, откуда пришел и зачем жил на свете.

Очень часто Кейт заглядывался на портрет, который красовался на задней крышке часов, и при виде детских глаз он неизменно вспоминал англичанина на смертном одре.

«Несомненно, — думал он, — эта девочка уже успела превратиться во взрослую женщину!»

Дни сменялись днями и превращались в недели, а под ногами Джона Кейта влажная, сладко пахнувшая земля все яснее и шире проступала из-под покровов тающего снега. В начале мая он находился уже в районе Райндирского озера, которое залегало на расстоянии трехсот миль от Баррена. В продолжение недели он оставался в хижине траппера в Бертвуде, а после этого тронулся на Кумберленд-Хауз. На десятый день он подошел к ближайшему посту, а в вечерних сумерках одиннадцатого дня разложил свой костер на берегу желтого Саскачевана.

Могучая река, дорогая с далеких дней юности, снова пропела ему про все то, что время и горе заглушили в его сердце.

Далеко в небо уходила луна. С юга плыл теплый, мягкий ветер, и Кейт, куря трубку, долго сидел так и томительно и со сладкой печалью прислушивался к тихому рокоту, который доносился со всех сторон, воскрешая былое и милое.

Саскачеван всегда был для него чем-то большим, чем рекой. Он вырос с ним и сроднился, сделался как, бы частью его. Волны Саскачевана издавна баюкали все его юношеские мечтания и грезы, и на них разыгрались его первые приключения. Река эта была его товарищем, другом, единомышленником, и ему чудилось теперь, что река так же рада видеть его, как он рад ей. Он улавливал в шепоте вод ее ликование, приветствие, восторг...

Он глядел на серебристые берега, сверкающие в лунном свете, и на него нахлынули бурные волны воспоминаний. В конце концов, тридцать лет — не такой долгий срок, чтобы забыть те чудесные, волшебные сказки, которые возлюбленная мать рассказывала ему, как только садилось солнце и приближался час сна. И он вдруг так явственно вспомнил сказку про реку Кисташивун, где подробно излагалось о том, где и как эта река родилась, как впервые показалась около одного склона западных гор, незнакомых ни с глазом, ни со стопой человека, как спустилась с гор в холмы, а с холмов в равнины, расширяясь и углубляясь с каждой новой милей, как добежала до дверей их домика и в виде подарка принесла на волнах своих золотые песчинки, обогащающие людей.

А отец, со своей стороны, часто рассказывал ему про индейцев и про страну до того, как явились белые люди, и таким образом у него постепенно создалось впечатление, что река эта течет между его отцом и матерью. Она была его первой книжкой сказок и басен, его чудесной страной, неиссякаемым источником волшебных приключений...

В эту ночь Саскачеван был для него единственной вещью, сохранившейся из прошлого. Это был единственный друг, к которому он мог воззвать, единственный товарищ, к которому он мог протянуть руки свои, не боясь ни обмана, ни предательства. И во власти вещей, которые некогда жили, а теперь покоились в вечном сне, он почувствовал могучий прилив странного блаженства, и ему показалось, что дух реки подошел сейчас совсем близко к нему, чтобы приласкать и успокоить.

Протянув вперед руки, он закричал:

— Старая река моя, это — я... я... Джонни Кейт! Я вернулся к тебе! Ты видишь, что я вернулся к тебе?

А древний Саскачеван тихим шепотом ответил ему:

— Да, да, это — Джонни Кейт! Он вернулся сюда! Он вернулся ко мне!

4

ГЛАВА IV

В течение целой недели Джон Кейт пробирался вдоль берегов Саскачевана.

От Кумберленд-Хауз до поста Принца Альберта было около ста сорока миль по воздушной линии, но Кейт предпочитал пользоваться иным путем и лишь время от времени выходил на широкую проезжую дорогу. Держась неизменно берега, он удлинил свой путь на целых шестьдесят миль, но чувствуя приближение критической минуты, в которой был повинен Коннистон, он старался держаться как можно ближе к могучему, безмолвному другу, сыгравшему такую великую роль в его жизни.

Саскачеван, как живое существо, придавал ему бодрость и веру в самого себя, и при виде его волн Кейт держался тверже, и мысли его были яснее. Ночью он устраивался на золотисто-желтых берегах, и сон его сторожили звезды, повисшие в небе. Слух его упивался родными, знакомыми звуками, по которым он так тосковал в изгнании, что временами был близок к безумию: мягкими голосами птичек, которые охотились и спаривались в лунном сиянии, дружественными «тит-тит-тит» песчанников, которые летали совсем низко над землей, хохотом сов и сонными взвизгиваниями хищных птиц, возвращавшихся с юга.

С юга же, с тех мест, где равнины подгоняли лес к самому берегу, Кейт временами слышал лай койотов, с которым сливался мрачный вой волков, засевших в лесах по другую сторону реки.

Собственно говоря, его путь пролегал по узкой тропинке, разделявшей два совершенно различных мира. По одну сторону сравнительно недалеко лежали безграничные прерии, зеленющие поля, селения, города и человеческие жилища. По другую же сторону вод застыла пустыня, гостеприимно раскрывающая перед ним все свои двери.

На седьмой день, на заре, его ухо уловило новый звук: это был свисток паровоза, подходившего к посту Принца Альберта. Свисток этот был точно такой же, как и четыре года назад, но, услышав его, Кейт содрогнулся так, что задрожал каждый фибр его существа в отдельности. Это был первый звук, который приветствовал его возвращение на родину, и все сомнения мгновенно оставили Кейта, сменившись целым потоком воспоминаний.

Он точно знал, где находится в данное время, и отдавал себе полный отчет в том, что найдет и увидит за первым поворотом реки.

Минут через пять он услышал хлюпающие звуки «шуг-шуг-шуг» старой драги и уже знал, что эти звуки издает «Бетти М», на которой, конечно, работает старичина Энди Дюгган, с черной трубкой в зубах, черпающий песок точно так же, как он черпал его в продолжение целых двадцати лет. Он уже видел Энди на своем посту в облаках табачного дыма — рыжебородого, косматого гиганта, которого весь город дружески называл «речным пиратом». Всю жизнь свою Дюгган провел в том, что извлекал золото из прибрежных холмов и с утра до позднего вечера упорно, как смерть, сидел, склонившись над берегами Саскачевана.

Кейт вдруг вспомнил про страсть старого товарища к ветчине и усмехнулся про себя. Люди говорили, что Энди всегда пахнет ветчиной и салом и что запах этот преследовал его даже и тогда, когда он отправлялся по делам в город.

Кейт решил теперь оставить береговые тропы и выйти на дорогу. Несмотря на отчаянные усилия подавить то, что Коннистон называл «психологическим моментом», он чувствовал себя очень нехорошо. Какое-то нездоровое возбуждение давало себя знать во всем теле и в мозгу.

Наконец-то он подошел совсем близко к игорному столу! Через какую-нибудь пару часов ему придется бросить на стол первую карту. Если он выиграет, его ждет впереди жизнь. Если

проиграет, он обречен на верную смерть. Старый вопрос, с которым он давно боролся, встал теперь перед ним во всей своей непреодолимой силе: стоит ли воевать за свое счастье? Какой смысл в борьбе?

И тотчас же встал в нем другой вопрос: какое безумие овладело им и Коннистоном в тот час, когда они придумали эту смертельно опасную авантюру?

Не бросить ли попытку? Лес стоит за ним и за него и скроет его в любую минуту. Он может еще вернуться назад! Еще не поздно! Игра не зашла еще так далеко, чтобы он не мог опустить поднятую руку. И на короткое мгновение им овладел, казалось, совершенно непобедимый импульс, но в эту минуту он вышел на край опушки, увидел на самом берегу драгу и почти у воды Энди Дюггана собственной персоной... А в следующий момент Кейт уже сделал решительный шаг вперед и поднял руку, желая поздороваться с бывшим приятелем.

Он чувствовал, как сильно заколотилось его сердце, когда Энди взглянул в его сторону. Мыслимо ли, чтоб старый золотоискатель не признал его сразу? Он забыл про свою бороду, забыл про те перемены, которые совершили в нем последние годы. Он помнил теперь только одно, а именно, что Дюгган был когда-то его товарищем, что сотни, тысячи раз они сидели в спокойной тиши вечеров и рассказывали друг другу сказки об этой великой реке, которую одинаково крепко любили. Дюгган неизменно возвращался мыслью и словами к тому таинственному раю, который был скрыт в западных горах, там, где начиналась река. Там, среди высочайших, терявшихся в небе гор, брал свое начало — или кончался там? — Саскачеван и там же, по словам Дюггана, хранились несметные богатства, на поиски которых он однажды отправился уже много-много лет назад...

Четыре года нисколько не изменили Энди. Пожалуй, борода его еще больше порыжелала, и волосы больше прежнего рассыпались во все стороны. Как только золотоискатель отошел от своей «Бетти М», Кейт немедленно почувствовал запах ветчины, и запах этот был ему теперь приятнее всего остального на свете. Он жадно стал вдыхать его и забыл про то время, когда он так опротивел ему, что он избегал Энди.

Когда Энди подошел еще ближе, Кейт с большим трудом сдержал естественное желание броситься вперед, протянуть руку и воскликнуть: «Ведь это я — Джонни Кейт! Неужели же вы меня не узнаете, Дюгган? Да взгляните лучше!»

Вместо этого он подавил свое желание и спокойно промолвил:

— Какое прекрасное утро!

Дюгган как-то неопределенно мотнул головой. Очевидно, он был смущен, не зная, как принять человека, который неведомо откуда явился.

— У нас тут всегда прекрасные утра, независимо от того, солнце ли сияет, дождь ли идет! А кто станет отрицать это, того я назову лгуном, и ничего больше!

Он произнес эти слова совершенно спокойно, но видно было, что он готов до последней капли крови биться за честь своей дорогой реки. Кейтом овладело безумное желание броситься к нему на шею, но он только снял свою поклажу и произнес:

— Я целую неделю спал вот с этой самой штукой, моим единственным товарищем от Кумберленд-Хауз. А хорошо все-таки вернуться на родину!

Он снял шляпу и посмотрел Дюггану прямо в глаза.

— Не знаете ли вы, случайно, Мак-Довель находится теперь в казармах?

— Да, он в казармах, — ответил Дюгган.

И это было все!

Энди ответил Кейту таким же прямым взглядом, в котором, однако, было что-то странное. Кейт готов был отдать все на свете, только бы узнать, что творится за черепной коробкой золотоискателя. Какие-то жестковатые ноты звучали в его голосе, — почему? Это смутило пришельца. К тому же он сразу обратил внимание на суровый огонь в глазах Энди, когда он спросил о Мак-Довеле.

— Инспектор здесь здорово засел! — прибавил Энди и, к непередаваемому смущению Кейта, исчез в кустах, не прибавив больше ни слова.

«Нет, — решил про себя Кейт, — это далеко не тот Энди, каким он был четыре года тому назад. Совсем другой человек!»

Кейт снова надел шляпу и пошел дальше. На противоположном краю лужайки он оглянулся и посмотрел назад. Энди стоял на прогалинке, засунув руки в карманы и пристально глядя ему вслед. Кейт помахал рукой, но тот не ответил ему. Он стоял как сфинкс. Его огромная красная борода горела на раннем утреннем солнце, и он напряженно следил за Кейтом до тех пор, пока тот не повернулся и не пошел своей дорогой.

Первый опыт удостоверения его новой личности принес Кейту определенное разочарование. Мало того, он даже испугал его! Совершенно верно, Энди Дюгган не признал в нем Джона Кейта, но в то же время он не признал в нем и Дервента Коннистона! А Дюгган был не такой человек, чтобы забыть кого-нибудь за промежуток в три-четыре года! Он был способен и несколько десятков лет и полжизни помнить человека, с которым когда-то жил бок о бок...

Создавалось новое и совершенно непредвиденное положение вещей... Ну, а что будет, если и Мак-Довель, подобно Дюггану, увидит в нем только неизвестного чужака, который бог весть откуда явился?

Последние предсмертные слова трепетно звучали в его ушах и колотились в его мозгу: «Не забудьте, дорогой мой, что все дальнейшее зависит от той минуты, как Мак-Довель впервые увидит вас!»

Эти слова вдруг приобрели в его глазах новое и смертельное значение. Впервые за все время он понял истинный смысл этих вещих слов. Вся опасность заключалась не только в том, что в нем могли бы признать Джона Кейта. Не менее опасно было и то, что в нем могли не признать Дервента Коннистона.

Если им вдруг овладела мысль немедленно повернуть назад, если голос страха и неминуемой смертельной опасности подсказал ему, что он должен искать спасение в другом направлении, то эти импульсы внезапно растворились в возбуждении нового рода, о котором до сих пор он не имел никакого представления. Ему вдруг почудилось, что третья рука приняла участие в игре, в которой Коннистон уже потерял свою жизнь и от которой теперь зависела его личная новая жизнь. И, почувствовав присутствие неведомой силы, Кейт возымел непреодолимое желание узнать: чем же все-таки кончится эта страшная игра? Его вдруг перестала давить и тревожить мысль о собственной судьбе. Чисто физиологический инстинкт, жажда борьбы и стремление узнать, кто и что возьмет верх, зажгли его кровь и заставили сильнее обычного биться сердце.

Он уже горел желанием как можно скорее очутиться с глазу на глаз с Мак-Довелем. Настоящая борьба только с этого момента и должна была начаться! Впервые он подумал о том, что Коннистон глубоко ошибался, предполагая, что всю его дальнейшую судьбу решит первая встреча с инспектором. Ничего подобного! В этот момент действительно могло случиться что-то очень критическое для него: Мак-Довель был настолько опытным сыщиком, что мог немедленно открыть правду! Но все зависело от дальнейшего. Вся игра была в будущем и требовала невероятных усилий и напряжения! В первый день он может потерпеть поражение, но из этого, однако, никак не следует, что проиграна вся кампания!

Он вдруг возомнил себя воином, крепко связанным в то время, как кругом гремят уже вражеские орудия и чувствуется упоительный запах пороха. Ему почудилось, что весь старый, прежний мир — его личный враг. Цивилизация олицетворяла в его глазах народ, а народ — закон, а закон требовал его жизни! И никогда до сих пор он так не возмущался нелепым, безнравственным требованием: око за око и зуб за зуб! Только теперь, когда он глядел вниз и видел старый дым, подымавшийся над крышами его родного города, он понял, как глубоко ошибались те, кто применял этот варварский принцип мести.

В глубине души он никогда не считал себя преступником. Напротив, он находил, что, убив Киркстона, он избавил мир от подлой змеи, которая во имя блага всего человечества должна была умереть как можно скорее, и тысячи раз он повторял себе, что его подвиг был бы еще прекраснее, еще целостнее, если бы вслед за отцом он отправил на тот свет и сына. Это было необходимо с точки зрения общественной гигиены! Он избавил город от человека, который не имел никакого права на существование, а в ответ на это тот же город требовал его смерти! И вот почему мужчины и женщины, с которыми он жил с детства, сделались его врагами, несмотря на то, что он всегда любил их и продолжал любить поныне. И для того, чтобы найти новых друзей в родном городе, ему пришлось прибегнуть к этому подлому, хоть и ловкому маскараду!

Он вспомнил про маленькую дорожку, которая вела к городу с той его стороны, где в конце незаметной маленькой улочки находилась лавочка цирюльника. Прежде всего ему необходимо было попасть туда, и он радовался теперь, что в столь ранний час улицы были почти пусты. Улица, по которой он проходил сейчас, претерпела значительные изменения. Большие, открытые участки теперь были заняты новыми домами, и он задался вопросом: оправдались ли все надежды, которые казались висящими в воздухе четыре года назад?

Он угрюмо усмехнулся при мысли о том трагическом положении, в которое попал сейчас. Он, равно как и его отец, строили свои будущие проекты на том, чтобы закупить как можно больше загородной земли, и к этой цели они шли неуклонно. Но за четыре года возникли такие перемены и город так разросся, что «загородная» территория теперь вошла уже в черту города, а это сулило Кейту огромные богатства. Население города за этот период утроилось, цена на землю естественно поднялась, и он имел некоторые основания считать себя богатым человеком.

Богатый человек! И в то же время мертвый человек! По крайней мере, он с минуты на минуту должен лично доложить об этом Мак-Довелю! Можно представить себе, какие ссоры начнутся между всеми теми, кто считает себя прямыми наследниками Джона Кейта!

Старая лавчонка цирюльника все еще стояла на углу, который теперь считался торговым и деловым центром. Но в ней воцарился уже новый владелец. Он был один, и Кейт дал ему все необходимые инструкции, показав предварительно портрет Коннистона, приложенный к удостоверению личности. Усы и борода должны быть подстрижены именно так, очень аккуратно, на английский манер. Волосы следует подстричь не слишком коротко, а затем зачесать их назад, предварительно смочив.

Когда операция была закончена, он поздравил парикмахера и... себя лично. Загорев, как настоящий индеец, и побронзовев от непрерывного дыма и ветра, стройный как стрела, крепкий и мускулистый, он улыбнулся самому себе в зеркало и провел мысленную параллель между прежним Джоном Кейтом и нынешним Дервентом Коннистоном. До того как выйти из парикмахерской, он ту же на одно колечко стянул свой пояс, а после того решительным шагом направился к баракам королевской северо-западной горной верховой полиции.

Теперь его путь лежал через главную улицу, позади ряда лавок, которые красовались здесь четыре года назад, мимо "Саскачеванского отеля" и здания торговой биржи, которая, наподобие старой цирюльни, стояла на своем прежнем месте, на стрелке высокого берега, стремительно спускавшегося к реке.

И тут-то он увидел Персивала Клэри, маленького секретаря английского представительства. Не могло быть никаких сомнений в том, что это был именно Персивал Клэри, несмотря на то, что он изменился до неузнаваемости. Во-первых, он вырос, возмужал и пополнил. Затем отрастил усы, на которых имелась теперь немалая доза фиксажура. Складка на брюках была безупречна, ботинки сверкали, и он горделиво стоял на пороге своей новой конторы, небрежно опираясь на легонькую палочку.

Кейт усмехнулся, отметив про себя, что Персивал пошел в гору параллельно с ростом города. Пробираясь вдоль улицы, он напряженно искал теперь знакомые лица. Время от времени он находил то или, вернее, тех, кого искал, но главным образом ему встречались незнакомые люди, которые страшно торопились, словно их ждало спешное и неотложное дело. На каждом шагу ему улыбались новенькие, блестящие вывески, с которых он переводил взор свой на автомобили, мчавшиеся вдоль берега. Их было теперь двадцать — тридцать там, где еще не так давно редко-редко попадался один.

Он поймал себя на том, что ему стоит больших усилий смотреть прямо перед собой при встрече с девушкой или женщиной. Никогда до сих пор женщина не представлялась ему таким ангелоподобным существом, как сейчас. До бараков он повстречался с десятью-двенадцатью женщинами, и ему надо было призвать на помощь всю силу воли для того, чтобы не остановиться перед каждой из них и не воззрится на нее.

Он еще не любил до сих пор. Он преклонялся перед женщинами, считал их гораздо выше мужчин, обожал свою мать, но сердце его еще ни разу не содрогнулось от любовной бури.

А теперь в глубине души он почувствовал, что равно обожает всех тех женщин, которых только что встретил на своем пути. Некоторые из них были грубоваты на вид, другие ничем особенно не выделялись, а третьи были определенно миловидны, но Кейт не обращал никакого внимания на их физическое различие. Он видел в них белых женщин, и поэтому все они и каждая из них в отдельности казались ему прекрасными. Самая незаметная из них представлялась ему необыкновенно интересной. Он готов был поднять в воздух шляпу и кричать от неизбывной, невыразимой радости, которая охватила все его существо. Четыре года миновали, и снова он очутился в стране, где обитают ангелы. На некоторое время он даже забыл про существование на белом свете Мак-Довеля.

У него дико кружилась голова, когда он подошел к казармам. Ах, до чего же, в конце концов, прекрасна жизнь! О, она, конечно, стоила того, чтобы бороться за нее, и он готов был бороться!

Он пошел прямо по направлению к канцелярии Мак-Довеля. Через пару минут, в ответ на его стук в дверь, на пороге показался секретарь инспектора.

— Инспектор очень занят сейчас! — ответил секретарь на вопрос Кейта, может ли он видеть Мак-Довеля. — Я доложу ему, что...

— Доложите ему, что я явился сюда по весьма важному делу, — перебил его посетитель. — Он немедленно примет меня, как только вы сообщите ему, что я пришел по делу известного ему Джона Кейта.

Секретарь провалился через какую-то внутреннюю дверь.

Казалось, не прошло и десяти секунд, как он снова появился и заявил самым любезным образом:

— Инспектор желает говорить с вами.

Кейт глубоко перевел дыхание для того, чтобы несколько успокоить тревожно бьющееся сердце. Несмотря на все свое мужество, он почувствовал, как чья-то цепкая, холодная и предупреждающая рука схватила его за плечо и, казалось, хотела отбросить назад... Но в тот же миг он услышал замирающий голос Коннистона, который шептал ему: «Не забудьте, дорогой мой, что все дальнейшее зависит от первой минуты, как вас увидит Мак-Довель».,

Был ли прав Коннистон?

Выиграет он или проиграет? — ничего заранее нельзя сказать, но во всяком случае игру свою он поведет точно так же, как ее вел бы покойный англичанин.

Выпрямив плечи, он решительно вошел в комнату Мак-Довеля, который почитался самым удачливым охотником на людей на всем северо-западе.

Первый человек, которого увидел Кейт, войдя в канцелярию инспектора полиции, был не сам Мак-Довель, а девушка.

Она сидела как раз напротив той двери, на пороге которой он на минуту замер, причем свет, падающий через окно, удивительно рельефно выделял черты ее лица и волосы. Первое впечатление было неотразимое. Девушка околдовала его своей красотой. Солнце, заливавшее всю комнату мягким, колеблющимся мерцанием, бросало на нее потоки плавкого, смеющегося золота. Кейт сразу заметил и глаза ее — лучистые и необыкновенно серые. Она не отрывала взора от пришельца, и все тело ее и черты лица говорили о большом напряжении, овладевшем ее существом.

Все это Кейт уловил в мгновение ока, словно в блеске молнии, и лишь после того повернулся к Мак-Довелю.

Инспектор сидел за столом, заваленным географическими картами и бумагами. Кейт немедленно почувствовал всю пронизывающую силу его взгляда, и в эту секунду он пережил состояние, знакомое настоящему преступнику. Но эта секунда миновала, и он прямо посмотрел инспектору в глаза. Да, Коннистон, был прав: эти глаза легко могли видеть сквозь стену. Неопределенного цвета и изумительной глубины, далеко посаженные под седыми, растрепанными бровями, они с первого же взгляда пронизывали насквозь. Кейт обратил также внимание на тщательно завитые седые усы, на коротко подстриженные волосы и ясно очерченные мускулы лица — и поклонился.

По его телу пробежала мгновенная ледяная дрожь. В этом суровом лице он не прочел приветствия. Он не мог судить, признал его инспектор или нет. И только тогда, когда солнце бросило новый капризный луч на чудесные волосы девушки, иное выражение пробежало по лицу человека, который одновременно был и большим другом и начальником Дервента Коннистона.

Инспектор поднялся со своего кресла, склонился над столом и голосом, в котором было столько же удивления, сколько и радости, произнес:

— А мы только что говорили об этом несчастье... и вдруг, сэр, вы пожаловали к нам! Как поживаете, Коннистон?

В продолжение нескольких секунд Кейт, казалось, ничего не видел. Он выиграл! Кровь с такой жестокой силой отхлынула от его сердца, что у него смешались все чувства и мысли. Он ощутил прикосновение руки Мак-Довеля, слышал его голос, но какое-то облако затянуло его глаза, и он видел только торжествующее лицо Дервента Коннистона. Он был возбужден до крайности, стоял с высоко поднятой головой, почти касался плечом плеча Мак-Довеля, но, пожалуй, не сознавал этого.

Инспектор все еще не выпускал его руки, и Кейт чувствовал это, но видел только одно, что девушка поднялась со своего места, подошла поближе и глядела на него так, точно он только встал из гроба.

Вдруг послышался повелительный голос Мак-Довеля:

— Коннистон, позвольте вас познакомить с мисс Мириам Киркстон, дочерью покойного судьи Киркстона.

Кейт поклонился и на секунду задержал в своей руке руку девушки, отца которой он убил. Это была какая-то безжизненная, холодная рука. Ее губы зашевелились только для того, чтобы произнести имя и фамилию. Он сам тоже стоял совершенно безмолвный. Мак-Довель произнес какие-то слова касательно высокой миссии и величия законов и их слуг.

И совершенно неожиданно его голос прозвучал, как барабанная дробь:

— Расскажите нам, Коннистон, поймали ли вы того человека, за которым отправились? Этот вопрос привел Кейта в себя. Он медленно склонил голову и сказал:

— Я явился к вам с донесением, что Джон Кейт умер.

Он заметил, что мисс Мириам вздрогнула, точно он нанес ей жестокий, неожиданный удар. Несомненно, она сделала огромное усилие над собой, желая скрыть свое возбуждение, когда отвернулась от него и обратилась к инспектору:

— Вы были, сэр, очень внимательны и любезны. Благодарю вас от всей души. Я надеюсь, что буду иметь еще удовольствие беседовать с мистером Коннистоном... относительно Джона Кейта.

И легко кивнув головой Кейту, она удалилась.

Когда она вышла из комнаты, странный огонь пробежал в глазах Мак-Довеля.

— Вот уже полгода, как она такая, — объяснил он Кейту. — Она питает какой-то особый интерес к этому Кейту и его судьбе. Сказать вам правду, Коннистон, не думаю, чтобы я ждал вас с таким нетерпением, как она. Но удивительнее всего то обстоятельство, что этот исключительный интерес проявился только в последние шесть месяцев. Иногда у меня возникает печальное сомнение: не помешалась ли она немного под влиянием несчастья? Прелестная девушка, Коннистон! Очаровательная девушка! А брат ее — мерзавец! Вы помните его, конечно?

Он придвинул второе кресло совсем близко к своему и предложил сесть.

— А надо вам сказать, друг мой, — заявил он, — что вы все-таки сильно изменились за это время!

Слова эти произвели на Кейта впечатление неожиданно раздавшегося выстрела. Они упали так внезапно, что он почувствовал их воздействие каждым фибром своего тела. Он тотчас же понял, что хотел сказать Мак-Довель. Он был не такой, как англичанин. Ему не хватало выдержки Коннистона, его холодной, импонирующей деликатности и какого-то особого благородства движений и манер. Поймав пристальный, нервирующий взгляд инспектора, он на один миг представил себе, что сейчас на его месте находится сам Коннистон, и до боли ясно увидел, как тот непринужденно крутит свой ус между большим и указательным пальцами и улыбается так, точно вчера лишь отправился в далекий северный путь и уже сегодня вернулся.

Мак-Довель с первой же минуты отметил в нем отсутствие души Коннистона, человека, который довел *plus ultra* свою вежливость и умение держаться с людьми и который мог так же спокойно смотреть инспектору в глаза, как тот смотрел в его. Конечно, он не может позволить себе то, на что способен был англичанин: не обращая внимания на более высокое положение инспектора, обратиться к нему запросто: «Ну, старичина, как тебе нравится сегодняшняя погода?»

Размышляя обо всем этом, Кейт все же не утерял присущего ему чувства юмора и подумал: как бы рассвирепел Коннистон, если бы его дух попал на секунду сюда!

Кейт усмехнулся и пожал плечами.

— Изменился? — медленно произнес он. — Надо думать, что вы по-настоящему незнакомы с непроглядной, бесконечной ночью! Приходилось ли вам когда-нибудь провести целых шесть месяцев в пустыне, претерпеть совершенно неопишуемые лишения, перемигиваться только с холодными звездами, переключаться только с белыми лисицами и делать над собой адские усилия для того, чтобы не лишиться рассудка? Такой опыт мне пришлось проделать дважды, дважды за то время, что я гонялся за Джоном Кейтом, и мне думается, что вы совершенно правы! Да, я изменился. И еще мне думается, что никогда уже я не буду больше тем, чем был когда-то. Что-то ушло от меня. Я не могу вам в точности объяснить, что именно, но я определенно чувствую, что я чего-то лишился. У меня иногда создается впечатление, что я вернулся сюда только с половиной моего прежнего «я». Вот что убило Джона Кейта! Если так можно выразиться, он начал гнить и действительно сгнил!

Он инстинктивно почувствовал, что начал чрезвычайно удачно для себя. Мак-Довель вытянул один из ящиков письменного стола, вынул оттуда коробку с толстыми сигарами и протянул ее Кейту.

— Закурите сигару, Коннистон, — сказал он, — и изложите мне все, что с вами случилось за это время. Я готов поклясться всем святым для меня на свете, что вы далеко не полумертвый человек. Стоит вам прожить одну недельку в своем старом, почти родном городе, и вы станете прежним человеком. Будьте уверены, что это именно так, как я говорю вам!

Он чиркнул спичкой и поднес ее к сигаре Кейта.

В продолжение целого часа Кейт рассказывал историю человека, охотившегося на человека же. Это была его собственная одиссея.

Он совершенно забыл про то, что находится в обществе человека со строгим, важным лицом, который неотрывно следит за ним и внимательно вслушивается в каждое его слово. Он рассказывал и в это время видел только долгие месяцы и годы, в которые разыгралась его личная эпическая драма; видел бесчисленные дни погони, бегства, преследования, голода и холода; видел долгие ночи, сплошь начиненные горьким одиночеством и отчаянием, близким к безумию. Дойдя до последних дней в одинокой, заброшенной на краю света хижине, Кейт с судорогой в горле произнес:

— Вот каким образом умер Джон Кейт, джентльмен и человек!

И даже в эту минуту он не переставал думать об англичане, о его спокойной и безбоязненной улыбке в предсмертные минуты, о его последних словах, о последнем дружеском пожатии руки, и Мак-Довель видел все так, точно страшная драма разыгралась на его собственных глазах. Словно желая смахнуть паутинку с лица, он провел по нему рукой. В продолжение нескольких минут после того, как Кейт кончил, он стоял, отвернувшись от человека, которого принимал за Коннистона, и уносился мыслями в зеленые равнины Саскачевана.

Но, когда он снова повернулся лицом к Кейту, это был прежний железный человек, воплощение закона, закона могучего и безжалостного, каким-то чудом принявшего форму и облик мужчины.

Он сказал следующее:

— Видите ли, Коннистон, после двух с половиной лет такой жизни даже преступник может показаться вам святым. Так или иначе, свое дело вы выполнили блестяще. Обо всем, что вы рассказали мне, я доложу в департамент, и если вы не получите повышения, то даю вам слово, что я немедленно подам в отставку. Тем не менее мы вместе с вами должны пожалеть о том, что Джон Кейт не дожил до того, чтобы быть повешенным.

— Но он понес должное возмездие! — угрюмо произнес Кейт.

— Нет, не совсем! Он умер обыкновенной смертью. А настоящее возмездие он получил бы, если бы был вздернут на веревке в воздух! Я нахожу его преступление исключительно тяжелым, ибо он дошел до кульминационных высот мести. Мы можем забыть про его имя, но я лично никогда не избавлюсь от сожаления, что его не казнят. Я готов был бы отдать год моей жизни за наслаждение видеть его в этой самой комнате. Его следовало бы должным образом покарать, и — Господи! — какую услугу вы оказали бы правосудию, если бы привели сюда живым Джона Кейта, того самого Джона Кейта, который целых четыре года скрывался от нас!

Он потирал руки и с улыбкой в глазах смотрел на Кейта.

Закон! Он стоял здесь, бездушный, бессердечный, скорбя, что человеческая жизнь избежала его кары... Кейт на минуту почувствовал сильнейший приступ отвращения.

Вдруг послышался стук в дверь. Мак-Довель крикнул, что можно войти, дверь тихо открылась, и на пороге показался молодой секретарь канцелярии, Крюз.

— Смит ждет ваших приказаний, сэр! — произнес молодой человек.

Что-то сдавило горло Кейта. Он отвернулся в сторону, желая скрыть от посторонних выражение своего лица.

Смит!

Теперь-то он определенно знал, что именно подсказывало ему как можно скорее сойти с опасного пути... Он понял также, что силился произнести Коннистон в тот момент, когда одеревеневший язык уже отказывался служить ему.

Они забыли про Смита!

6

ГЛАВА VI

В приемной, которая непосредственно примыкала к комнате секретаря, терпеливо ждал Смит. Казалось, природа создала его лицо из какого-то особого материала, из необыкновенной ткани, которая, наподобие камня и железа, не проявляла ни страсти, ни эмоций, ни желаний. Это было абсолютно бесстрастное, ничего не выражающее, так сказать, безличное лицо.

Только сам Смит знал, что происходит в его мозгу, за его непроницаемыми глазами. Это был его личный секрет. И даже Мак-Довель раз навсегда отказался от того, чтобы анализировать или хотя бы понять его. Закон, который в данном случае потерпел полное поражение, ограничился тем, что смотрел на Смита как на колдовской, замечательный механизм, более похожий на вещь, чем на человека, и обладающий сверхъестественной силой.

Главная мощь Смита' заключалась в совершенно необычной способности запоминать лицо на всю жизнь. Образ фотографировался навеки. Ни время, ни перемены не оказывали в данном случае никакого влияния, и вот почему закон решил использовать его в своих целях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.